

УДК 17.177

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ТЕРРОРИЗМА

Е.А. Евстифеева, Л.В. Удалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Рассматриваются социально-философские воззрения Ж. Бодрийяра, С. Жижека, К. Шмитта, Дж. Агамбена на решение проблемы морального оправдания насилия и терроризма. Выводы неутешительны, терроризм стал модальностью современного мирового социального существования. Доктрина терроризма органично вписывается в существующий порядок вещей, в «немирное», в глобализм, политико-правовые компоненты мировой системы, право на насилие, что несет в себе внутреннюю катастрофу и гибель.

***Ключевые слова:** эпоха терроризма, насилие, глобальное, чрезвычайное положение, моральная проблема оправдания насилия.*

Терроризм – эпохальное явление XXI в.. Наследуя от XX в. такие характерные черты, как экстремальные векторы развития мировой цивилизации, разрушение традиционных этосов и этносов, острые социальные конфликты глобального и локального уровней, неразрешимые противоречия социального и личностного, публичного и приватного, гражданского и государственного и т. д., современность «экзистировать» в таком наличном способе социально ориентированного бытия, когда доминирующей становится идея и миссия безграничного, беспредельного, нелегитимного, цепного насилия, а каждый человек становится заложником и потенциальной жертвой этого процесса. Прямое или косвенное соприкосновение с актами террора, осознанное и аффективное переживание ближайших и отдаленных его последствий инициировано наступившей эпохой вовлеченности и технологическими практиками мобильности, которые навязывают произвольную глобальную социальную интегрированность, такую социальную экспансию, когда благодаря медиа и информационным технологиям, зомбирующим когнитивно-ресурс человека, он оказывается живущим на порождаемой терроризмом волне аффекта и с непосредственной перспективой лишения жизни. Первопричины масштабности современного терроризма, экстремизма, преступного насилия заключены также в том, что мировая финансово-спекулятивная модель экономики, родившая монстра – потребителя с неуемными потребительскими инстинктами спровоцировала вселенский бунт против насаждения псевдоценностей и множественных имитаций цивилизационных смыслов и значений.

Соппротивление террору как критический поиск его многообразных причин, зрелое мышление, рациональная аргументация, подрывающая основные позиции и основания идеологии терроризма, предстают как философский способ борьбы и возмездие с позицией Абсолютного Зла и с отрицанием мирового гуманистического порядка. Учитывая множественность значений понятия «терроризм», его междисциплинарную многомерность, будем считать, что концептуальному ядру понятия «терроризм» релевантны

понятия «насилие», «агрессия», «конфликт», «идеология», «страх». Будучи производным от понятия «террор», понятие «терроризм» имеет пейоративный смысловой оттенок. Будем также ориентироваться на современный социально-философский дискурс Ж. Бодрийяра, С. Жижека, К. Шмитта, Дж. Агамбена, которые оперируют понятием «терроризм» с определенной концептуальной целью. Разъясним их полемические аргументы, которые выдвигаются вокруг моральной проблемы политического и неполитического насилия.

Ж. Бодрийяр соизмеряет явление терроризма с глобальным символическим событием, символическим насилием, символическим вызовом и ударом по самой глобализации и наличному мировому порядку. Обостряя наличный порядок вещей, определенную логику насилия и неуверенности, в своей крайности и запредельной мощи терроризм как саморазрушение и самоубийство инспирировал «то насилие, которое захлестнуло весь мир, а следовательно, инспирировало то террористическое воображаемое, которое без нашего ведома живет в каждом из нас» [1, с. 96]. Философ размышляет о том, что сама мировая система способствует разгулу и масштабному развороту терроризма. Такие её условия, как внутренняя непрочность, централизация на глобальном уровне, единая сеть, усиленный технологический эффект, запустили вселенский катастрофический процесс. Категоричность террористического деяния предстает как невозможность обмена. Ж. Бодрийяр настаивает: «Терроризм – акт восстановления непокорной единичности в самом сердце системы обобщенного обмена. Все сингулярности (племена, отдельные личности, культуры), которые заплатили смертью за установление глобального оборота всего и вся, управляемого единственной властью, сегодня мстят за себя с помощью террористического разворота» [1, с. 100].

Философское разоблачение бессилия терроризма, согласно французскому мыслителю, состоит в том, что террор-идеологема присваивает как свое решающее оружие бессмыслицу и безразличие, лежащие в основе мировой системы, которая сама безразлична к собственным ценностям и тем самым «пожирает себя изнутри». Жалкая попытка самоукоренения и самооправдания терроризма – в том, что он «...возрождает то, что в системе различий и обобщенного обмена не подлежит обмену. Различие и безразличие отлично между собой обмениваются. Событием является то, что не имеет эквивалента. И террористический акт не имеет эквивалента в виде какой-то трансцендентной истины» [1, с. 148]. Иначе говоря, террористы не открывают метафизику истины, а борются с симулякрами, с виртуальностью, вместо того, чтобы возвратиться к реальности. Кроме того, самообман терроризма в том, что он приписывает себе уничтожение западной культуры, в то время как она вымирает сама, доводит себя до самоубийства, до исповедования призрачных ценностей, призрачной идентичности, до саморазрушительного внутреннего насилия, до жизни в негационистском обществе.

Разоблачая притязания террористов на моральную борьбу с гегемонистским господством, со Злом, Ж. Бодрийяр доказывает, что терроризм надидеологичен и имморален, он вездесущ, как вирусы, и реверсивен мировой системе и мировому порядку. Терроризм бросает символический вызов моральному, любой форме его интерпретации, перспективе Добра, выходит за пределы морального императива безусловного уважения к человеческой жиз-

ни. Имморальность терроризма «инъектируется» имморальностью глобализма. Глобализация как процесс и идеология репродуцирует терроризм.

Глобализация, понятая как единомыслие, информация, технологии, рынок, промискуитет всех ценностей, осуществляет террор-насилие над универсальным, понятым как универсальное мышление, права человека, разнообразие культур и свобод, демократия, которое гибнет вместе со всякой культурой, теряя свою сингулярность. Здесь следует вспомнить о философской оценке глобализации З. Баумана. В книге «Индивидуализированное общество» он пишет: «Концепция “глобализации” была создана для того, чтобы заменить прежнюю концепцию “универсализации”, когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей, сидящих за пультом управления, занимающихся планированием и тем более принимающих на себя ответственность за конечные результаты. Без большого преувеличения можно сказать, что это понятие отражает беспорядочный характер процессов, происходящих на уровне, оторванном от той “в основном скоординированной” территории, которая управляется законной “высшей властью”, т. е. от суверенных государств» [2, с. 43].

Ж. Бодрийяр дает разъяснения особенностей насилия глобального в оптике перехода универсального к глобальному, уничтожения универсального и универсализма как принципа традиционного мирового порядка. Универсальное предстает как Идея или идеальная цель, как культура трансцендентности, субъекта и концепта, реального и репрезентации. Референтами универсального были мир, тело, память. Историческое и революционное насилие представлялись как диалектическое напряжение и критическое движение. Насилие глобального как пространство имманентности, экрана, сетей и цифр – иное. В глобальном Идея исчезает, и тогда «человеческое становится единственной точкой отсчета, и человечество, имманентное самому себе, занимает пустующее место Бога – отныне человеческое царит безраздельно, но оно больше не имеет конечного смысла. Не имея больше врагов, оно вырабатывает их изнутри, выделяя из себя всевозможные нечеловеческие метастазы» [1, с. 156]. За этим стоит насилие глобального и мировой системы, которая преследует любую форму негативности и сингулярности. Насилие глобального и террор-насилие однопорядковы по природе их вирулентности, ядовитости, что влечет заражение, разрушает человеческий и культурный иммунитет и способность сопротивляться.

Из логики умозаключений Ж. Бодрийяра следует, что современная доктрина терроризма органично вписывается в существующий мировой порядок и систему, которая несет в себе внутреннюю катастрофу, что-то самоубийственное. Изначально будучи внешней силой для западной доминирующей в мире системы – как глобальной, с плодами западного прогресса, его технического совершенства, терроризм стал имманентной силой насилия. Моральная проблема оправдания насилия, в том числе политического, остается неразрешимой, а сама мировая ситуация становится более террористической. При этом терроризм остается общепланетарным явлением, его существование сопряжено с существованием самой цивилизации и безвременно.

Славой Жижек, которого считают самым авторитетным европейским специалистом в сфере проблем взаимоотношений человека и социума, своими текстами с целью преодоления ширпотребных образов насилия доказывает необходимость теоретического отстранения и терпеливого критического анализа как единственных способов для «вскрытия» природы, причин, последствий всякого насилия и терроризма. В психоаналитическом духе Жижек разграничивает понятия насилия и агрессии. Насилие, агрессия, борьба – составляющие жизни. Отказ от них невозможен. Однако возможна их дифференциация по отношению к двум базовым инстинктам – влечению к жизни и к смерти. Агрессия приравнивается к силе жизни, а насилие – к силе смерти. Насилие предстает как избыток агрессивности, желая все большего и большего, что нарушает нормальное течение вещей.

Левый философ выделяет три вида конструирующих друг с другом насилия – субъективное, объективное и символическое [3]. Объективное насилие, которое присуще «нормальному» положению вещей, которое латентно как «темная материя» в физике, удостоверяется присутствием неравенства и несправедливости в господствующем порядке. По отношению к нему лучше всего проявляется, по выражению философа, наша слепота. Субъективное, иррациональное насилие, которое в первую очередь вызывает со стороны социума тотальную панику, «кошмарит» всех и которое совершается социальными агентами (злые люди, террористы-смертники, фанатичная толпа, дисциплинированный репрессивный аппарат), направлено против чрезмерного давления, угнетения и эксплуатации.

Примером символического, более фундаментального, чем остальные виды насилия, воплощенного в речевых формах, может служить, согласно Жижеку, «неумолимая “абстрактная” и прозрачная логика Капитала или “метафизическая пляска всемогущего Капитала”» [3, с. 15]. Дополнительная аргументация символического насилия восходит к «Введению в метафизику» М. Хайдеггера. Он разворачивает понятие насилия/власти как понятие онтологического ряда и речевого акта, в котором оно предстает как сущность, выраженная в языке, как «пребывание», как «дом бытия». [4, с. 118–133]. Логика насилия раскрывает констелляцию мира, социальные отношения власти. Насилие – в самом человеке с его избыточным желанием, чрезмерностью, демонизмом.

Насилие как террористический рессентимент – еще одна тема размышлений Жижека. В реальности, вопреки отождествлению терроризма с фундаментализмом, с ним соразмерен псевдофундаментализм. Такое различие становится очевидным в призме рессентимента, понятого как качество «морали рабов». Фундаментализм сопоставляется Жижеком с психотическим, бредовым, инцестуозно повторным утверждением: «религии в качестве прямого прозрения божественного Реального со всеми ужасающими последствиями, которые влечет за собой такое повторное утверждение – включая полное возвращение непристойного божественного Сверх-Я, требующего жертв» [3, с. 68]. Паническое использование щита фундаментализма, к которому прибегают отдельные мусульманские сообщества, служит подтверждаемым примером их рессентимента и зависти. Проявлению субъективного насилия дается следующее разъяснение: «Фундаменталистский исламский террор не основывается на убежденности террористов в собственном превос-

ходстве и их желании оградить свою культурно-религиозную идентичность от наступления глобальной потребительской цивилизации. Проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем их хуже себя, а скорее в том, что они сами втайне считают себя хуже нас... Проблема не в культурном различии (их попытках сохранить свою идентичность), а совсем наоборот – в том, что фундаменталисты уже похожи на нас, что они в глубине души уже усвоили наши стандарты и оценивают себя по ним» [3, с. 70]. Касательно псевдо-фундаменталистов можно утверждать, что их саморазрушение связано со своими собственными потребительскими греховными соблазнами.

О насилии и терроризме как проявлении тотального антагонизма вместе с французским философом рассуждают К. Шмитт и Дж. Агамбен. В их концепциях моральная проблема оправдания насилия как генезиса террора, политического насилия, государственного терроризма своим социально-философским основанием восходит к «чрезвычайному положению», понятому как выражение, термин, понятие и реалии [5; 7]. Координатой проблемы оправдания насилия служит высказывание о том, что чрезвычайное положение в определенный момент истории превратилось в норму. Понятие «чрезвычайного положения» в философский и политико-правовой дискурсы было введено Карлом Шмиттом. В его теории чрезвычайного положения главная линия состоит в доказательстве возможности вписать насилие в правовой контекст. Им раскрывается перспектива правового порядка, которая опирается на диспозитив чрезвычайного положения, цель которого состоит в обеспечении применения нормы права через временное приостановление её действия. По Шмитту, суверен обладает монополией на принятие решения о чрезвычайном положении. Ситуация суверена амбивалентна, он стоит вне действующего правопорядка и одновременно «референтен» ему, он компетентен решать вопрос о приостановлении действия конституции [6]. По мнению немецкого правоведа, сущность государственного суверенитета – в монополии решения. Государство – это фактическая организация власти, в этом оно превосходит правопорядок и хаос, решает, что есть право, в чем состоит безопасность, что является исключительным случаем. В итоге, Шмитт «благославляет» ситуацию чрезвычайного положения.

В широком смысле понятие чрезвычайного положения указывает на особое, вне закона и морали, исключительное право на насилие, утверждает итальянский мыслитель Дж. Агамбен, оппонируя Шмитту в том, что он выступил в роли апологета чрезвычайного положения и попытался связать его с правовым полем. Субъектом насилия может быть индивидуальный, коллективный, институциональный. Государство как институциональный субъект порождает государственный террор. Теория чрезвычайного положения Шмитта ошибочна.

Чрезвычайное положение становится доминирующей управленческой парадигмой современной политики, утверждает Агамбен, аргументируя это обстоятельство как историческими (случай нацистского государства, когда в Третьем рейхе чрезвычайное положение длилось 12 лет), так и современными политическими практиками («Патриотический акт», принятый Сенатом США 26 октября 2001 г., который радикальным образом упраздняет правовой статус индивидуума). Эта парадигма в свою очередь порождает парадигму глобальной безопасности как обычную управленческую технологию. Это обстоятельство актуализирует философскую рефлексию его анализа в фокусе перспекти-

вы существования терроризма, его трансфера из политической области в другие сегменты социального бытия.

Все мы живем при чрезвычайном положении, которое начинается с Первой мировой войны и продолжается до наших дней, – главный провозглашаемый тезис Дж. Агамбена. Оно всеобъемлюще, топологически тотально и представляет в своей сути «...всего лишь пустое пространство, в котором действие, никак не соотносимое с правом, сталкивается с нормой, никак не соотносимой с жизнью» [7, с. 134]. Герменевтика проблемы чрезвычайного положения, включая спор о локусе или месте, которому оно принадлежит, «предполагает корректный процесс его локализации (или нелокализации)» [6, с. 42]. Это означает, что вся современность живет в зоне чрезвычайного положения.

Конституируется чрезвычайное положение как крайняя необходимость, что «по определению» снимает проблему его легитимности, поскольку провозглашается принцип, согласно которому необходимость составляет главное основание и сам источник закона. Оно не идентифицируется с правом, поскольку предстает как временное упразднение самого юридического порядка и обозначает его предел. Коварность чрезвычайного положения заключается в том, что изначально порожденное исключительными обстоятельствами, как то стихийные бедствия, эпидемии, голод, война, спонтанные мятежи масс, в дальнейшем оно интегрируется в структуры социальных субъектов (государство, общественные институты) и фасцинирует социальное в целом. В современной модерной модели власти по факту самооснования (самоконституирования) и по «произволу» власти закладывается возможность применения чрезвычайного насилия как того, что находится «по ту сторону» права и морали.

Чрезвычайное положение – это зона аномии, она трансцендентна нормосу, где существует юридический контекст. Дж. Агамбен делает вывод о том, что режим чрезвычайного положения начиная с Первой мировой войны «функционировал почти без перебоев: он пережил эпоху фашизма и национал-социализма и просуществовал до наших дней. На всей планете не осталось места, где не действовало бы чрезвычайное положение. Правительства могут совершенно безнаказанно пренебрегать нормативным характером права и приносить его в жертву своему произволу, игнорируя международное право, существующее за пределами их государств, и устанавливать внутри своих государств перманентное чрезвычайное положение; при этом они, однако, продолжают претендовать на то, что действует в строгом соответствии с нормами права» [7, с.134–135].

Из этого следует, что к современному государству и праву применимы понятия радикального насилия и террора. Они становятся эссенцией и экзистенцией, сущностью и существованием наличного «порядка вещей» и сопричастны власти, закону, общественной морали. Генезис террора в аномии (революции, гражданской войне, сопротивлении, мятеже), в чрезвычайном положении, которое из сферы политического транслируется сегодня в область управления и правоприменения. Парадоксальным образом, утверждает итальянский философ, режим чрезвычайного положения непреодолим в том смысле, что является как инструментом установления политической диктатуры (собственно террора), так и правовым основанием для борьбы

против терроризма. Доктрина глобальной безопасности в борьбе с международным терроризмом также находится в зоне чрезвычайного положения.

Таким образом, проблема морального оправдания политического насилия в концепции чрезвычайного положения Дж. Агамбена не находит своего однозначного разрешения. Им проблематизируется тема смешанного с правом политического как учредительной власти (т. е. насилия, устанавливающего законы) и подлинно политического, под которым понимается действие, разрывающее связь между насилием и правом. Если расширить моральный контекст чрезвычайного положения, то, согласно Х. Арендт, его вызов состоит и в том, что политический террор всегда сопровождается тотальной ложью. Ложь, фальш, фальсификации как образ жизни сопровождается политический тоталитаризм: «Ложь в чрезвычайных ситуациях, ложь по поводу особых секретов, особенно в военных делах, которые нужно защитить от врага, всегда считалась оправданной» [8, с. 338].

Соглашаясь с мнением итальянского философа о проблематичности статуса политического в современных реалиях, о транспарентности политического и правового, важно не забывать и о такой пересекающейся теме, как экономическая трансформация политической жизни, о поглощении политического экономическим, о замещении политического экономическим, о том, что глобализация укоренена в экономическом, а не в политическом начале человека, о том, что экономический человек не способен на политическую деятельность. Экономическая власть «вытесняет прежние формы власти» [9].

Представленные «выжимки» современного социально-философского дискурса по теме насилия и террора демонстрируют активную философскую позицию противостояния всякому оправданию насилия. Действительно, начиная с 11 сентября 2001 г. произошел как бы жизненный разлом, после которого модусом бытия и существования стал катастрофизм, потерянности в мире террора и преступности. В.В. Ильин пишет в призме архитектуры понимания: «С первых дней XXI века Наинейшего времени социальное устройство пошло под экстремистскими знаменами брутального разума: реальность – средоточие терроризма, мизантропизма, эгоизма. Это совершенно иной тип устроительной техники – деструктивная трансференция, заключающаяся в переносе отрицательных результатов духовной работы во внешнюю сферу отношений. Соблазняя к планам опасной дерзости, деструктивная трансференция проявляет себя как прескверный советчик и фальсификатор культуры. Дыхание системности животворного влияния принципов достижительности в вершении истории изувечено порывами преступности. Таково – не приукрашенное состояние момента наличного» [10, с. 181].

За этими яркими высказываниями является философская позиция о том, что наступило время несмирения, противостояния, последовательной борьбы с преступностью, которое предстает как ядро современного качества социальности. Разделяя данную позицию, мы предлагаем свой исследовательский и технологический проект противления Злу и насилию. Речь идет о личностном «противоядии» вирулентности идеологемы, техник и технологий терроризма, о личностном проектировании как раскрытии личностного потенциала молодежи в образовательных практиках, о формировании и развитии тех личностных качеств и субъектно-когнитивных ресурсов молодого человека, которые преломляют технологический путь вовлечения в пространство террора [11].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ-классик, 2016. 224 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.
5. Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
6. Шмитт К. Политическая теология: сборник / пер. с нем.; заключит. статья, составление А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000. 336 с.
7. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с ит. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
8. Арндт Х. Ответственность и суждение / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 352 с.
9. Юдин Г.Б. Человек экономический как проблема политической философии // Человек. 2017. № 4. С.67–80.
10. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания: монография. М.: Проспект, 2017. 184 с.
11. Удалова Л.В. Когнитивная направленность воздействия технологий терроризма // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. № 2. С. 101–106.

SOCIAL PHILOSOPHY DISCOURSE ANALYSIS OF TERRORISM

E.A. Evstifeeva, L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the analysis of J. Baudrillard's, S. Zizek's, K. Schmitt's, and G. Agamben's social philosophy addressing the issue of violence and terrorism moral justification. Their discourse strategies interpretation generates disappointing conclusion that terrorism has become a modality of contemporary world social existence. The terrorism doctrine organically fits into the existing order of things, into the framework of «non-peaceful» mentality, globalism, political and legal components of the contemporary world system promoting the right to violence that carries in itself the impulse of internal catastrophe and destruction.

Keywords: *era of terrorism, violence, global, state of emergency, moral problem of justifying violence.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой психологии и

философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

УДАЛОВА Лариса Викторовна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Authors Information:

EVSTIFIEVA Elena Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Chair of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

UDALOVA Larisa Viktorovna – PhD student of the Dept. of Psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru